

В тот день на занятиях Е Юйфань неизбежно столкнулся с Ли Лэ. Встреча была неловкой, но они всё же сели рядом. Цзян Сюэ, не держа зла, начала болтать с ними.

Юй Чучу наконец успокоилась, так как она не хотела разрывать отношения с Ли Лэ, но и не желала, чтобы Цзян Сюэ из-за нового симпатичного парня отдалилась от них. В конце концов, за полгода они сблизились, и их объединяли общие интересы.

Тун Юэ, увидев Е Юйфана, тоже засиял, словно после долгого дождя.

Е Юйфань раньше не знал о том, что Тун Юэ «тот ещё», и теперь, встретив его, почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

После занятий Цзян Сюэ подмигнула Тун Юэ и отвела его к туалету, прямо спросив:

— Тун Юэ, тебе нравится Е Юйфань?

Тун Юэ вздрогнул. Его чувства были так явно раскрыты, да ещё и Цзян Сюэ, которая всегда заботилась о нём и была такой сильной, что он не смог солгать:

— Нет...

Цзян Сюэ сделала вид, что всё понимает:

— Ну и что, если нравится? Когда мы ещё учились в экспериментальной средней школе, за ним открыто бегали целые толпы девочек, не говоря уже о тех, кто тайно влюблялся... Он ведь не только мой!

Тун Юэ загорелся:

— Сестра Сюэ...

Цзян Сюэ хихикнула:

— Ха-ха-ха, я так и знала, что ты любишь, а ещё пытался меня обмануть!

— ... — Тун Юэ с грустью сказал:

— Сестра, я не хочу с тобой соперничать. Просто я не могу устоять перед такими парнями, как Е Юйфань, сам не знаю, почему лезу к нему...

Цзян Сюэ похлопала его по плечу:

— Ничего, ничего, я понимаю.

Тун Юэ снова загорелся:

— Ты...

— Потому что такие парни — тоже мой тип! — Цзян Сюэ рассмеялась, а потом смутилась:

— Но я намного скромнее тебя, хихи...

Тун Юэ: ...

Цзян Сюэ сказала:

— Так что, кто бы ни увлёкся им, мы будем честно соперничать, и кого бы Е Юйфань ни выбрал, мы будем искренне радоваться за другого, договорились?

Тун Юэ с восхищением посмотрел на Цзян Сюэ и счастливо кивнул:

— Да!

Он был уверен, что никакие трудности не погасят его жажду любви!

Цзян Сюэ с лёгкой жалостью посмотрела на Тун Юэ:

— Но говорят, что девушке добиться парня — как пройти через тонкую завесу, а гомосексуалисту добиться натурала — как пересечься в параллельных прямых. Лучше сдайся!

Тун Юэ: ...

Цзян Сюэ похлопала Тун Юэ по плечу:

— То, что я только что сказала, тоже часть стратегии соперничества. Не сдавайся!

Тун Юэ чуть не заплакал.

Тем временем Ли Лэ, держа в руках две бутылки холодного чая, нашёл Е Юйфана в мастерской:

— Хочешь?

Он не стал извиняться за прошлый раз, но Е Юйфань понимал, что этот шаг уже был проявлением смирения. Они оба дали друг другу возможность сохранить лицо. Е Юйфань взял чай и поблагодарил.

— Я видел твою картину, — сказал Е Юйфань.

— А? Ту, что напечатали в журнале «Художник»? Она слишком маленькая... — Ли Лэ не удержался и спросил:

— Ну как?

— Неплохо, — ответил Е Юйфань.

Ли Лэ: ...

Неплохо? И всё? Ли Лэ не знал, что если Е Юйфань сказал «неплохо», то это действительно комплимент. В его глазах даже первое место было всего лишь уровнем, который можно достичь упорной практикой.

Увидев, что Ли Лэ всё ещё смотрит на него, Е Юйфань удивился:

— Что?

— Ничего, — Ли Лэ скрипнул зубами. — Ты не ходишь в школу? Серьёзно хочешь рисовать? Или просто болтаешь?

Е Юйфань пролистал свой скетчбук:

— Я уже рисую.

Ли Лэ взглянул:

— Почему такой маленький блокнот?

— Маленький? Мне кажется, в самый раз, — ответил Е Юйфань.

— Обычно скетчбуки берут формата А3 или А4, а твой — А5? — уточнил Ли Лэ.

— Так удобнее носить с собой, — сказал Е Юйфань.

— Это скетчбук, а не блокнот для записей! — Ли Лэ говорил с ним, как с дилетантом. — Что можно нарисовать на таком маленьком листе?

Е Юйфань был слегка озадачен:

— Всё что угодно.

Ли Лэ взял скетчбук Е Юйфана, пролистал несколько страниц и был поражён. Е Юйфань разбивал одну картину на несколько частей!

Например, обычная уличная сцена. На первой странице он рисовал грубый эскиз всей сцены, затем делил её на четыре части, нумеровал их и на последующих страницах детализировал каждую часть.

Художники, которые так работают, либо от природы обладают сильным чувством композиции и могут рисовать детали, полностью соответствующие общему плану, либо со временем теряют способность создавать крупные работы, то есть их картины становятся мелкими!

Но Ли Лэ был уверен, что Е Юйфань относится к первому типу. Да, его способность к композиции была впечатляющей. Некоторые пронумерованные эскизы были грубыми, другие — детализированными, что показывало его понимание главного и второстепенного. Если бы эти рисунки не были на разных сторонах листа, Ли Лэ бы с удовольствием вырвал их и собрал в одну картину!

Ли Лэ увидел номера на страницах скетчбука и спросил:

— Это твой первый блокнот?

Заинтересовавшись, он нашёл первую страницу с ужасным рисунком «мусорного бака», который явно был сделан человеком без художественного образования! Он внимательно посмотрел на дату покупки скетчбука и удивился:

— Ты начал рисовать всего две недели назад?

— Да, — подтвердил Е Юйфань.

— ... Ты никогда раньше не учился? — спросил Ли Лэ.

— Уроки рисования в школе считаются? — переспросил Е Юйфань.

— Нет! Я говорю о профессиональном обучении, начиная с рисования геометрических фигур!
— настаивал Ли Лэ.

Е Юйфань покачал головой:

— Нет.

В этот момент Ли Лэ уже листал серию набросков мотоциклов, которые нарисовал Е Юйфань. Он изобразил каждую деталь мотоцикла, как анатомическую схему!

Разные углы, размеры, тени и перспектива... Не говоря уже о геометрических фигурах, эти рисунки превзошли их полугодовой курс натюрмортов! Особенно после сравнения первой и последней страниц, Ли Лэ, как бы он ни сопротивлялся, был вынужден признать мастерство Е Юйфана.

— Учитель Фэн был прав, мы с вами не можем сравниться... — Ли Лэ вздохнул с горечью. — Не думай, что я был так зол на тебя, я просто напился и перегнул палку. Но я не против тебя лично, я против...

Он не смог закончить, его взгляд стал рассеянным, словно он вспомнил что-то, и он медленно сказал:

— В начальной школе у нас был кружок рисования. Там был друг, который рисовал очень хорошо. Когда мы поступали в среднюю школу, мы оба попали в художественный класс. Его результаты всегда были выше, а мои становились всё хуже. Я всегда равнялся на него. Потом, поступая в старшую школу, он без проблем поступил в престижную школу и больше не рисовал. Я спросил его, не жалко ли ему бросать рисование, а он сказал, что учился рисовать только ради дополнительных баллов на экзаменах, ха.

Его сухой смешок был полон горечи и обиды.

Е Юйфань молчал. Он понимал, что в глазах Ли Лэ он, возможно, был таким же, как его друг: легко делал то, что Ли Лэ не мог, и так же легко бросал то, к чему Ли Лэ стремился. Неудивительно, что он их ненавидел.

Ли Лэ с горькой усмешкой сказал:

— Что я могу требовать от него? У него хорошие оценки, почему бы не поступить в престижную школу? Если бы я смог, мои родители, наверное, поставили бы меня на пьедестал! Если бы престижные университеты давали дополнительные баллы за рисование, он, возможно, продолжал бы рисовать... Нет тех, кто действительно хочет рисовать, есть только те, кто оказался на этой дороге, потому что их отсеяли.

Е Юйфань хотел что-то сказать, но промолчал, потому что до этого он думал так же.

Действительно, если человек хорошо учится, а ещё немного умеет играть на музыкальных инструментах или рисовать, это просто приятный бонус. Но если он только этим и занимается, а в остальном бесполезен, то это как в романе «Сон в красном тереме», где Цзя Чжэн ругает Баоюя за бесполезный талант. Музыка и живопись с древних времён считались развлечением для интеллектуалов и политиков, и даже если делать это хорошо, это не воспринималось серьёзно.

[Авторские примечания отсутствуют]